

Ю.Г.Коргунюк, К.Росс

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОЛОДЫХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Юрий Григорьевич Коргунюк — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН. Для связи с автором: partinform@mail.ru.

Камерон Росс — профессор Университета Данди (Шотландия); глава Европейского института безопасности и права (Центр Жана Монне), главный редактор журналов «European Politics and Society» и «Russian Politics». Для связи с автором: c.z.ross@dundee.ac.uk.

Аннотация. Статья посвящена политическим предпочтениям молодых избирателей на выборах в современной России. В развитие своего предыдущего исследования, где рассматривалась связь между уровнем модернизации и политическим плюрализмом в российских регионах, авторы предприняли попытку с помощью корреляционного и регрессионного анализа оценить роль возрастного фактора в поведении избирателей, используя в качестве контрольных переменных протестированные ими ранее факторы модернизации.

Проведенное исследование показало, что представление о том, будто молодые избиратели более склонны поддерживать либеральные и демократические партии, чем старшие поколения, не вполне справедливо. Избиратели в возрасте от 18 до 24 лет действительно демонстрируют повышенную предрасположенность к голосованию за оппозиционные партии, но не обязательно либеральные и демократические. На думских выборах 2016 г. от их поддержки больше всего выиграли карикатурные неосталинисты из «Коммунистов России», на выборах в региональные собрания в 2016—2021 гг. — праворадикальные империалисты из ЛДПР. На думских же выборах 2021 г. наибольшую поддержку самой молодой возрастной когорты получили, с одной стороны, «системные оппозиционеры» в лице КПРФ и ЛДПР, с другой, дебютант избирательной кампании — партия «Новые люди», придерживающаяся либеральных взглядов в экономической сфере, но вполне лояльная существующему режиму.

Ключевые слова: молодежь, политические предпочтения, постсоветская Россия, выборы в Государственную Думу, выборы в региональные собрания

В работе о социальных предпосылках демократии Сеймур Мартин Липсет следующим образом определил отношения между модернизацией и политическим развитием: «Чем богаче нация, тем больше у нее шансов сохранить демократию»¹. В своем предыдущем исследовании² мы проверили гипотезу Липсета путем изучения связи между модернизацией и уровнем партийной конкуренции в российских регионах в 2013—2017 гг. При этом, учитывая, что для Липсета модернизация не исчерпывалась экономическим ростом и повышением благосостояния населения и он «не приписывал непосредственную действующую силу какой-либо из переменных хотя бы потому, что в реальности они тесно переплетены между собой»³, мы по отдельности протестировали ряд показателей: подушевой ВВП, уровень доходов, образования, урбанизации, предпринимательской активности и др.

Исследование показало, что эти факторы, особенно урбанизация, образование, предпринимательская активность и экономическое развитие, действительно положительно влияют на степень политического плюрализма в российских регионах, причем наиболее значимым из них является даже не урбанизация, а предпринимательская активность. Тем не менее это влияние имеет свои пределы и объясняет поведение избирателей не более чем на 40%.

В настоящем исследовании мы постараемся с помощью корреляционного и регрессионного анализа оценить роль возрастного фактора в поведении избирателей на думских и региональных выборах в период между 2016 и 2021 гг. В качестве контрольных переменных будут выступать факторы модернизации, протестированные в предыдущей работе.

По расчетам Марлен Ларюэль, в 2019 г. люди моложе 34 лет составляли 43% российского населения, из них 30 млн принадлежало к поколению Y (то есть родились в 1981—1996 гг.) и 15 млн — к поколению Z (родились в 1997—2012 гг.)⁴. Мы собираемся проверить, склонны ли представители этих поколений в большей степени, чем их старшие соотечественники, отдавать предпочтение либеральным и демократическим партиям, или в России, как и во многих других странах, готовность молодых избирателей поддерживать демократию и демократические партии переживает определенный спад⁵.

¹ Lipset 1959: 75.

² Ross and Korgunyk 2020.

³ Wucherpfennig and Deutsch 2009: 7.

⁴ Laruelle 2019: 1.

⁵ Foa and Mounk 2016; Foa et al. 2020; Repucci and Slipowitz 2022.

Возраст и политические предпочтения: социологические опросы

⁶ Meyer-Olimpieva 2020: 8.

⁷ Gudkov et al. 2020: 38.

⁸ Ibid.: 46.

⁹ Ibid.: 55.

Ссылаясь на социологические опросы, Ирина Мейер-Олимпиева утверждает, что в системе ценностей и социальной памяти молодых и старших возрастных когорт в России больше общего, чем различий⁶. К сходному выводу приходят и Лев Гудков с коллегами в своем исследовании 2020 г. По их заключению, в плане политических и идеологических предпочтений молодые россияне (14—29 лет) не очень отличаются от более взрослых⁷. В частности, лишь 40% из них определяют себя как социал-демократов и либералов (среди населения в целом — 37%)⁸, а 65% поддерживают тезис о необходимости лидера, правящего сильной рукой ради общественного блага⁹.

¹⁰ Более 80% российской молодежи 2020.

¹¹ О демократии 2020.

¹² Volkov, Goncharov, and Snegovaya 2020: 1.

¹³ Молодежь 2018.

¹⁴ Attitude 2021.

¹⁵ The Return 2021.

¹⁶ При анализе результатов выборов по партийным спискам обычно используется порог в 3–5%, однако в условиях России, где доминирование «партии власти» во многом обеспечивается с помощью «административного ресурса», такой порог, как правило, нивелирует различия между регионами и серьезно упрощает общую картину. Снижение планки до 1% помогает избежать этой проблемы.

¹⁷ В предыдущем исследовании мы использовали также четвертый показатель — эффективное число партий в региональных собраниях, но на этот раз решили обойтись без него, сочтя его искаженной формой ENEP, отражающей скорее способность

В резком контрасте с этими утверждениями подавляющая часть опросов свидетельствует о более высоком уровне поддержки молодежью демократических и либеральных ценностей по сравнению с их родителями и родителями их родителей. Так, согласно опросу Левада-Центра* от 30 апреля 2020 г., 47% респондентов в возрасте от 14 до 29 лет видят в демократии оптимальную для России модель социально-политической системы, а 71% говорит о «неприятии авторитарных методов управления и использования силовых структур для решения социальных и этнонациональных проблем»¹⁰. В свою очередь проведенный в октябре того же года Фондом «Общественное мнение» опрос показывает, что наличие демократии в России считают важным 64% респондентов в возрасте 18–30 лет (среди 31–45-летних таковых 60%, среди 46–60-летних — 57%, среди лиц старше 60 лет — 54%)¹¹.

Опираясь на данные Левада-Центра*, Денис Волков, Степан Гончаров и Мария Снеговая демонстрируют, что молодые люди 16–34 лет — наиболее бизнес-ориентированная, прозападная и толерантная возрастная категория в России. Они настроены менее патерналистски, чем остальное население, а доля отдающих предпочтение правам человека среди россиян моложе 25 лет вдвое превышает долю тех, кто ставит на первое место интересы государства¹².

Что касается поддержки режима, то, по данным экзит-поллов ВЦИОМ, на президентских выборах 2018 г. за Владимира Путина проголосовали 68% избирателей 18–34 лет, тогда как в группе 35–59 лет ему отдали свои голоса 73,4%, а среди избирателей старше 60 лет — 81,3%¹³. Мало того, по мере ухудшения экономической обстановки и ситуации с гражданскими свободами поддержка Путина молодежью стала снижаться, и на начало марта 2021 г. среди респондентов от 18 до 24 лет соотношение тех, кто хотел и не хотел бы, чтобы он оставался президентом после в 2024 г., составляло 31% к 57% (среди людей старше 55 лет это соотношение было обратным — 59% к 31%)¹⁴. Молодежь также более позитивно относится к Алексею Навальному. Согласно опросам Левада-Центра*, в феврале 2021 г. в возрастной категории от 18 до 24 лет его деятельность одобряли 36% респондентов, в то время как в категории 25–39 лет — 23%, в категории 40–54 года — 18%, в категории старше 55 лет — только 12%¹⁵.

Модернизация и плюрализм

государственной бюрократии навязывать свою волю законодательным органам, нежели степень политического плюрализма.

Методология. Для измерения влияния модернизации на электоральную и партийную конкуренцию в качестве зависимых переменных были использованы три индикатора уровня политического плюрализма: 1) число партий, набравших в каждом из регионов более 1% голосов¹⁶ на думских выборах 2021 г., 2) доля голосов, поданных за «Единую Россию» на выборах в региональные собрания в 2016–2020 гг., 3) эффективное число партий на выборах в региональные собрания (effective number of electoral parties — ENEP)¹⁷.

Большее число партий, набравших свыше 1% голосов, в сочетании с большим эффективным числом партий и меньшей долей голосов за «Единую Россию» свидетельствует о более высоком уровне политического плюрализма в соответствующем регионе. В частности, число партий, превысивших на думских выборах 1-процентный порог, говорит о том, насколько избиратели способны противостоять давлению со стороны региональных властей, стремящихся максимизировать количество голосов, отданных за «Единую Россию». Этот показатель раскрывает в первую очередь степень политического плюрализма рядового электората.

Голосование за «Единую Россию» на выборах в региональные собрания помогает выяснить уровень политической консолидации региональных элит. На думских выборах у региональных администраций нередко не бывает иной альтернативы, кроме как сосредоточить свои усилия на максимизации количества голосов в пользу «Единой России», поскольку только так субъект Федерации может получить представительство в Госдуме. Когда дело доходит до региональных выборов, ситуация меняется. Региональные администрации часто бывают заинтересованы в поддержании баланса внутри местных элитных групп, и один из способов решения этой задачи — допустить их представителей в региональные собрания, в том числе в качестве оппозиции¹⁸. Так, даже в Чечне, где «Единая Россия» набирает на думских выборах более 90% голосов, в региональном парламенте представлены несколько оппозиционных партий. Таким образом, процент голосов, отданных за ЕР, демонстрирует степень политического плюрализма среди местных элит.

Эффективное число партий на региональных выборах позволяет оценить не только консолидацию местных элит, но и силу тех элитных групп, которые поддерживают оппозицию. Эффективное число рассчитывается по классической формуле Маркку Лааксо и Рейна Таагеперы¹⁹:

$$N = \frac{1}{\sum_{i=1}^n p_i^2},$$

где p_i — доля голосов, полученных каждой участвующей в выборах партией. В предыдущей статье мы использовали также формулу Григория Голосова²⁰:

$$N_p = \sum_1^y \frac{S_i}{S_i + S_1^2 + S_i^2},$$

где y — общее число партий в системе, S_i — доля голосов, полученных каждой партией, а S_1 — доля партии, вышедшей на первое место в ходе выборов. Однако наши расчеты показали, что эта формула дает меньшую дисперсию и, как следствие, обладает меньшей чувствительностью. Поэтому в нынешнем исследовании мы использовали ее в основном для проверки робастности.

Эти три показателя играли роль зависимых переменных в регрессионных моделях (пошаговая множественная линейная регрессия, метод наименьших квадратов — МНК), независимыми переменными

¹⁸ Turovsky 2015; Kynev 2017.

¹⁹ Laakso and Taagepera 1979.

²⁰ Golosov 2010.

в которых выступали факторы модернизации: 1) доля городского населения, 2) число малых предприятий на 10 тыс. человек, 3) доля работников с высшим образованием, 4) количество врачей на 10 тыс. человек, 5) доля убыточных предприятий, 6) количество личных автомобилей на 1000 человек, 7) доля домохозяйств с горячим водоснабжением.

Выбор именно этих независимых переменных определялся следующими соображениями. Показатель «доля городского населения» отражает ведущую роль крупных городов в процессе модернизации. Но более модернизированные регионы и более успешны в экономическом отношении, благосостояние их населения выше, инфраструктура лучше развита. Отсюда такие показатели, как «доля убыточных предприятий», «количество личных автомобилей на 1000 человек», «доля домохозяйств с горячим водоснабжением» и «количество врачей на 10 тыс. человек». Кроме того, модернизация предполагает более высокий уровень образования и культурного развития населения, что побудило нас внести в список независимых переменных «долю работников с высшим образованием». Наконец, на постсоветском пространстве модернизация не в последнюю очередь связана с возрождением предпринимательской инициативы. Исходя из посылки, согласно которой чем более развит частный сектор экономики, тем более модернизирована территория, мы включили в рассмотрение показатель «количество малых предприятий на 10 тыс. человек».

Протестировав способность этих факторов играть роль предикторов уровня политического плюрализма в регионах России, мы использовали доказавшие такую способность показатели в качестве контрольных переменных в регрессионных моделях, где зависимыми переменными выступили доли голосов, полученных партиями в субъектах Федерации на думских выборах 2016 и 2021 гг., а также на выборах по пропорциональной системе в региональные собрания в 2016—2020 гг. Основными же независимыми переменными стали доли возрастных когорт от 18 до 24 и от 25 до 29 лет в каждом из регионов — именно эти возрастные когорты отнесены Росстатом к «молодежи».

В качестве предварительного этапа перед построением регрессионных моделей мы прибегли также к корреляционному анализу, позволяющему выяснить, существует ли зависимость между возрастом избирателей и их политическими предпочтениями. Регрессионный анализ в свою очередь помогает понять, насколько возраст избирателей может считаться самостоятельным фактором при объяснении их электорального поведения.

Электоральные данные для вычислений были взяты с официального сайта Центральной избирательной комиссии (<http://www.cikrf.ru>), демографические и социально-экономические данные — с сайта Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>).

Показатели политического плюрализма и факторы модернизации. В табл. 1 приведены показатели политического плюрализма

в 84 из 85 регионов России (Москва была исключена из рассмотрения, поскольку депутаты столичной городской думы избирались только по одномандатным округам).

Таблица 1 Показатели политического плюрализма в российских регионах

<i>Регион</i>	<i>Число партий, набравших более 1% на выборах в Думу в 2021 г.</i>	<i>Процент голосов за «Единую Россию» на выборах в региональные ассамблеи в 2016—2020 гг.</i>	<i>Эффективное число партий на региональных выборах</i>
Адыгея	6	58,31	2,57
Алтайский край	7	34,08	4,23
Амурская обл.	7	35,93	3,88
Архангельская обл.	9	31,59	4,63
Астраханская обл.	8	42,31	3,66
Башкортостан	6	58,31	2,56
Белгородская обл.	7	63,95	2,29
Брянская обл.	6	63,71	2,26
Бурятия	8	41,07	3,84
Владимирская обл.	9	29,57	4,93
Волгоградская обл.	6	48,15	3,3
Вологодская обл.	8	37,27	4,34
Воронежская обл.	8	61,52	2,44
Дагестан	5	75,51	1,7
Еврейская АО	7	42,43	3,36
Забайкальский край	7	28,3	4,67
Ивановская обл.	9	34,14	4,42
Ингушетия	5	75,94	1,7
Иркутская обл.	8	27,83	4,4
Кабардино-Балкария	3	65,85	2,15
Калининградская обл.	9	41,17	4,23
Калмыкия	7	68,52	2,02
Калужская обл.	9	42,43	4,45
Камчатский край	8	48,31	3,18
Карачаево-Черкесия	4	65,04	2,22
Карелия	11	33,2	4,96

Таблица 1 Показатели политического плюрализма в российских регионах (Продолжение)

<i>Регион</i>	<i>Число партий, набравших более 1% на выборах в Думу в 2021 г.</i>	<i>Процент голосов за «Единую Россию» на выборах в региональные ассамблеи в 2016—2020 гг.</i>	<i>Эффективное число партий на региональных выборах</i>
Кемеровская обл.	5	64,4	2,25
Кировская обл.	7	35,9	4,2
Костромская обл.	7	31,92	5,92
Краснодарский край	6	70,78	1,89
Красноярский край	8	38,53	4,53
Крым	6	54,7	2,94
Курганская обл.	7	44,57	3,65
Курская обл.	7	50,17	3,09
Ленинградская обл.	9	51,25	3,15
Липецкая обл.	7	53,88	3,01
Магаданская обл.	7	58,32	2,69
Марий Эл	6	37,49	4,03
Мордовия	6	83,7	1,41
Московская обл.	11	43,15	4,16
Мурманская обл.	11	39,2	4,42
Ненецкий АО	9	38,97	4,04
Нижегородская обл.	7	54,91	2,91
Новгородская обл.	8	38,92	4,04
Новосибирская обл.	10	38,13	4,86
Омская обл.	7	36,3	3,93
Оренбургская обл.	7	41,05	3,69
Орловская обл.	8	45,96	3,26
Пензенская обл.	7	68,99	1,99
Пермский край	8	43,75	3,78
Приморский край	7	39,47	4
Псковская обл.	8	44,14	3,71
Республика Алтай	9	34,18	4,41
Республика Коми	9	28,61	6,48
Ростовская обл.	8	56,98	2,69

Таблица 1 Показатели политического плюрализма в российских регионах (Окончание)

<i>Регион</i>	<i>Число партий, набравших более 1% на выборах в Думу в 2021 г.</i>	<i>Процент голосов за «Единую Россию» на выборах в региональные ассамблеи в 2016—2020 гг.</i>	<i>Эффективное число партий на региональных выборах</i>
Рязанская обл.	7	47,65	3,77
Самарская обл.	8	51,02	3,16
Санкт-Петербург	13	41,25	4,39
Саратовская обл.	7	66,84	2,09
Саха (Якутия)	8	50,84	3,01
Сахалинская обл.	8	44,64	3,98
Свердловская обл.	8	40,26	4,22
Севастополь	7	38,5	4,32
Северная Осетия	4	59,19	2,55
Смоленская обл.	7	36,34	4,19
Ставропольский край	6	53,07	2,92
Тамбовская обл.	7	62,25	2,38
Татарстан	6	72,43	1,85
Тверская обл.	9	46,47	3,47
Томская обл.	9	41,21	3,95
Тува	5	80,13	1,53
Тульская обл.	8	50,27	3,37
Тюменская обл.	7	56,59	2,67
Удмуртия	7	63,16	2,3
Ульяновская обл.	7	33,96	3,7
Хабаровский край	10	12,51	2,75
Хакасия	8	25,46	4,61
Ханты-Мансийский АО	8	46,87	3,29
Челябинская обл.	8	42,58	4,22
Чечня	1	87,66	1,29
Чувашия	7	50,7	3,21
Чукотский АО	9	61,66	2,33
Ямало-Ненецкий АО	5	64,64	2,21
Ярославская обл.	9	38,43	4,2

По итогам думских выборов 2021 г. число партий, набравших в различных регионах более 1%, несколько изменилось по сравнению с 2016 г. Если в прошлый раз оно варьировало от трех (Чечня, Дагестан, Кабардино-Балкария) до 11 (Москва, Московская область и Санкт-Петербург), то в 2021 г. — от одной (Чечня) до 13 (Москва и Санкт-Петербург). Однако наиболее распространенными остались цифры 7 (26 регионов, на два больше, чем в 2016 г.), 8 (20 против 19 в 2016 г.), 9 (13 против 11) и 6 (10 против 14).

Изменения в долях голосов за «Единую Россию» на выборах в региональные собрания и эффективном числе партий оказались меньше, в том числе из-за частичного пересечения временных периодов 2013—2017 и 2016—2020 гг.

В 2013—2017 гг. «рекордсменами» по голосованию за «Единую Россию» были Чечня (87,66%), Кемеровская область (86,21%), Татарстан (84,24%) и Тува (84,03%); в 2016—2020 гг. — Чечня (87,66%), Мордовия (83,7%), Тува (80,13%) и Ингушетия (75,94%). «Аутсайдерами» в этом «соревновании» в 2013—2017 гг. были Карелия (33,2%), Алтайский край (34,08%), Кировская (35,9%) и Амурская (35,93%) области; в 2016—2020 гг. — Хабаровский край (12,51%), Хакасия (25,46%), Иркутская область (27,83%) и Забайкальский край (28,3%). Как видим, самые высокие показатели поддержки «партии власти» почти не изменились, тогда как самые низкие заметно упали.

Минимальное значение эффективного числа партий осталось прежним — 1,29 (Чечня, 2016 г.), а максимальное увеличилось, достигнув 6,48 (Республика Коми, 2020 г.). Предыдущий «рекорд» принадлежал Карелии (2016 г.) — 4,96.

Корреляционный анализ (см. табл. 2) продемонстрировал актуальность всех факторов модернизации для показателей политического плюрализма, однако множественная регрессия (см. табл. 3) исключила из списка факторы «количество личных автомобилей на 1000 человек» и «доля убыточных предприятий». Тем не менее коэффициенты детерминации всех регрессий выросли: с 0,416 до 0,537 для количества партий, набравших более 1% на думских выборах, с 0,389 до 0,43 для доли голосов за «Единую Россию» на региональных выборах и с 0,383 до 0,44 для эффективного числа партий.

Особенно значительным было увеличение коэффициента детерминации для числа партий, получивших более 1% на думских выборах: в 2016 г. у этого показателя было всего два предиктора — количество малых предприятий и доля городского населения, в 2021 г. к ним добавились еще два — доля домохозяйств с горячим водоснабжением и число врачей на 10 тыс. человек, при том что первые два предиктора сохранили лидирующие позиции. Этот рост может быть связан с относительным успехом дебютанта — партии «Новые люди», которая позиционировала себя как выразительница интересов малого и среднего бизнеса и получила большинство голосов в относительно крупных городах.

Таблица 2 Корреляции между показателями политического плюрализма и факторами модернизации (84 наблюдения)

	Число партий, набравших более 1% на выборах в Думу в 2021 г.		Процент голосов за «Единую Россию» на выборах в региональные ассамблеи в 2016–2020 гг.		Эффективное число партий на региональных выборах	
	R	p-level	R	p-level	R	p-level
Городское население (%)	0,556	0,000	-0,424	0,000	0,425	0,000
Малые предприятия на 10 тыс. чел.	0,647	0,000	-0,393	0,000	0,407	0,000
Личные автомобили на 1000 чел.	0,257	0,018	-0,220	0,045	0,215	0,049
Убыточные предприятия (%)	0,054	0,623	-0,220	0,044	0,188	0,086
Работники с высшим образованием (%)	-0,174	0,114	0,429	0,000	-0,421	0,000
Врачи на 10 тыс. чел.	0,328	0,002	-0,114	0,301	0,053	0,633
Домохозяйства с горячим водоснабжением (%)	-0,003	0,979	0,212	0,052	-0,226	0,039

Выделенные корреляции значимы при $p < 0,05$

Таблица 3 Регрессионная модель (МНК) связей между факторами модернизации и уровнем политического плюрализма в регионах России (84 наблюдения)

	Число партий, набравших более 1% на выборах в Думу в 2021 г.		Процент голосов за «Единую Россию» на выборах в региональные ассамблеи в 2016—2020 гг.		Эффективное число партий на региональных выборах	
	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level
Коэффициент детерминации	0,537	0,000	0,430	0,000	0,440	0,000
Городское население (%)	0,335	0,099	-0,402	0,110	0,402	0,109
Малые предприятия на 10 тыс. чел.	0,460	0,093	-0,198*	0,103	0,218	0,102
Личные автомобили на 1000 чел.						
Убыточные предприятия (%)						
Работники с высшим образованием (%)			0,291	0,096	-0,270	0,095
Врачи на 10 тыс. чел.	0,160*	0,083				
Домохозяйства с горячим водоснабжением (%)	-0,252	0,084	0,270	0,103	-0,297	0,102

* p ≤ 0,1; не помеченные случаи — ≤ 0,05

Показатель «голосование за „Единую Россию“ на выборах в региональные собрания» утратил некоторые предикторы (количество личных автомобилей на 1000 человек и число врачей на 10 тыс. человек), но приобрел новый — «доля городского населения», — выдвинувшийся на первое место. То же самое относится и к эффективному числу партий.

Таким образом, можно констатировать, что роль урбанизации как предиктора политического плюрализма выросла, тогда как роль других факторов несколько снизилась. Но в наших последующих регрессионных моделях мы будем использовать все упомянутые выше факторы модернизации — в расчете на то, что в некоторых случаях они могут оказаться актуальными.

Партийное голосование и возрастной состав

Выборы в Думу 2016 г. В думских выборах 2016 г. приняли участие 14 партий. Четыре из них преодолели 5-процентный барьер («Единая Россия» — 54,2%, КППРФ — 13,34%, ЛДПР — 13,1%, «Справедливая Россия» — 6,2%), а пять других набрали более 1% голосов («Коммунисты России» — 2,2%, «Яблоко» — 1,9%, Российская партия пенсионеров за справедливость — 1,7%, «Родина» — 1,5%, Партия Роста — 1,2%). Три партии с очень низким уровнем электоральной поддержки — «Гражданская платформа» (0,22%), «Гражданская сила» (0,14%) и «Патриоты России» (0,59%) — были исключены из анализа. «Гражданская платформа» и «Гражданская сила» были спойлерами, специально созданными для оттягивания голосов у либеральных «Яблока» и ПАРНАСа. Перед «Патриотами России» стояла задача оттянуть голоса у «Справедливой России» и частично у КППРФ.

Хотя ПАРНАС и РЭП «Зеленые» получили менее 1% голосов (0,73 и 0,76 соответственно), мы тем не менее решили включить их в анализ. ПАРНАС — радикальная оппозиционная партия рыночных либералов во главе с бывшим премьер-министром Михаилом Касьяновым, а «Зеленые» формально относятся к разряду экологических партий — появление таких партий на рубеже 1960—1970-х годов дало Рональду Инглхарту повод заговорить о переходе от «старой» материалистической повестки к новой постматериалистической²¹. Нас интересовало, в частности, обладали ли эти две партии привлекательностью для молодых когорт.

Из четырех партий, преодолевших 5-процентный барьер и получивших места в Думе, одна — «Единая Россия» — является «партией власти», представляющей собой послушный инструмент в руках президентской администрации и сочетающей весьма умеренный рыночный либерализм в социально-экономической сфере с безусловной поддержкой Путина и его курса на монополизацию власти. Три другие принято характеризовать как системную оппозицию. Это КППРФ, которая, несмотря на свое название, «смягчила позицию в отношении государственной собственности и теперь признает значительную роль частного предпринимательства», поддерживает «русский национализм» и защищает «права Русской православной церкви»²²; ЛДПР — право-

²¹ Inglehart 1971.

²² Reuter 2019: 49.

²³ March 2012: 251.

²⁴ Panov and Ross
2021.

популистская организация, возглавлявшаяся до 2022 г. Владимиром Жириновским и придерживающаяся радикально-империалистической ориентации; и «Справедливая Россия», продвигающая постсоветскую версию социал-демократии, гораздо более органичную для левых популистов из Латинской Америки, нежели для Западной Европы. Все эти три партии могут быть определены как «полугосударственные»²³, в значительной степени подконтрольные Кремлю и вынужденные следовать его линии для сохранения права на участие в выборах и парламентское представительство²⁴.

Что касается партий, набравших более 1% голосов, но не попавших в Думу, то их политическое лицо крайне неоднородно. «Яблоко» — это социал-либералы, оппозиционные режиму; Партия Роста — правые рыночные либералы, лояльные Путину; «Коммунисты России» — карикатурные неосталинисты, спойлеры КПРФ; Российская партия пенсионеров за справедливость — левые популисты, лояльные Путину, спойлеры «Справедливой России»; «Родина» — радикальные империалисты, лояльные Путину, спойлеры ЛДПР.

В *табл. 4* представлены корреляции между голосованием по партийным спискам и долями возрастных когорт во всех 85 субъектах РФ. Как видно из таблицы, положительную корреляцию с долей 18—24-летних имеет только голосование за «Единую Россию»; во всех других случаях она отрицательная. То же самое относится и к корреляции между голосованием и долей возрастной когорты 25—29 лет (слабые положительные корреляции здесь прослеживаются лишь применительно к Партии Роста и «Зеленым»). В то же время голосование за «Единую Россию» отрицательно коррелирует с долями всех остальных возрастных когорт, кроме когорты 45—49 лет.

Важно, однако, учитывать, что поддержка «Единой России» наиболее высока на Северном Кавказе и в других национальных республиках, где средний возраст населения ниже среднего по стране, причем есть основания полагать, что голосование за «партию власти» там обеспечивается в той или иной степени административно (при существенных различиях в самих административных методах). В связи с этим из анализа были исключены 17 регионов, где явка составила более 60%, а голосование за «Единую Россию» оказалось самым высоким. Помимо национальных республик (Чечня, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Тува, Башкортостан, Татарстан, Мордовия) в их число вошли Чукотский и Ямало-Ненецкий АО, Белгородская, Кемеровская, Пензенская, Саратовская и Тюменская области.

Из *табл. 5* следует, что в оставшихся 68 регионах доли младшей возрастной когорты (18—24 года) положительно коррелировали прежде всего с голосованием за КПРФ и — особенно — за «Коммунистов России». Голосование за «Единую Россию», ЛДПР, Партию Роста и «Зеленых» оказалось практически не связано с долей самых молодых избирателей, а остальные партии имели с этой когортой слабую отрицательную связь.

Таблица 4 Корреляции между голосованием за партии и долями возрастных когорт

	<i>Единая Россия</i>	<i>КПРФ</i>	<i>ЛДПР</i>	<i>Спра- ведливая Россия</i>	<i>Комму- нисты России</i>
18—24	0,439	-0,186	-0,425	-0,263	-0,188
	p=0,000	p=0,088	p=0,000	p=0,015	p=0,084
25—29	0,309	-0,233	-0,357	-0,120	-0,242
	p=0,004	p=0,032	p=0,001	p=0,275	p=0,026
30—34	-0,167	-0,115	0,260	-0,019	-0,048
	p=0,127	p=0,296	p=0,016	p=0,865	p=0,660
35—39	-0,358	-0,036	0,513	-0,005	0,092
	p=0,001	p=0,745	p=0,000	p=0,964	p=0,404
40—44	-0,360	-0,020	0,512	0,008	0,100
	p=0,001	p=0,856	p=0,000	p=0,942	p=0,364
45—49	0,097	-0,173	-0,024	-0,178	-0,149
	p=0,378	p=0,113	p=0,828	p=0,103	p=0,174
50—54	-0,094	0,089	0,115	-0,006	0,057
	p=0,392	p=0,416	p=0,294	p=0,953	p=0,605
55—59	-0,375	0,321	0,336	0,191	0,303
	p=0,000	p=0,003	p=0,002	p=0,081	p=0,005
60—64	-0,512	0,393	0,448	0,248	0,358
	p=0,000	p=0,000	p=0,000	p=0,022	p=0,001
65—69	-0,430	0,329	0,330	0,175	0,260
	p=0,000	p=0,002	p=0,002	p=0,109	p=0,016
70—74	-0,196	0,222	0,079	0,015	0,099
	p=0,073	p=0,041	p=0,473	p=0,895	p=0,368
75—79	-0,164	0,255	0,015	0,074	0,138
	p=0,135	p=0,019	p=0,889	p=0,499	p=0,209
80+	-0,174	0,248	-0,025	0,160	0,105
	p=0,112	p=0,022	p=0,819	p=0,145	p=0,340

Выделенные корреляции значимы при $p < 0,05$

на думских выборах 2016 г. во всех регионах (85 наблюдений)

<i>Яблоко</i>	<i>Партия пенсионеров</i>	<i>Родина</i>	<i>Партия Роста</i>	<i>Зеленые</i>	<i>ПАРНАС</i>
-0,329	-0,470	-0,202	-0,108	-0,241	-0,404
p=0,002	p=0,000	p=0,064	p=0,327	p=0,026	p=0,000
-0,003	-0,344	-0,172	0,181	0,034	-0,040
p=0,978	p=0,001	p=0,116	p=0,097	p=0,759	p=0,714
0,179	0,161	0,023	0,282	0,346	0,285
p=0,101	p=0,142	p=0,832	p=0,009	p=0,001	p=0,008
0,248	0,446	0,113	0,221	0,438	0,392
p=0,022	p=0,000	p=0,302	p=0,042	p=0,000	p=0,000
0,245	0,486	0,140	0,130	0,348	0,361
p=0,024	p=0,000	p=0,203	p=0,234	p=0,001	p=0,001
0,089	0,120	0,037	-0,032	0,032	0,075
p=0,419	p=0,276	p=0,739	p=0,775	p=0,769	p=0,494
0,056	0,171	-0,026	-0,068	-0,054	0,033
p=0,611	p=0,118	p=0,816	p=0,534	p=0,623	p=0,768
0,151	0,312	0,091	0,004	0,052	0,163
p=0,167	p=0,004	p=0,410	p=0,973	p=0,637	p=0,136
0,243	0,441	0,120	0,102	0,203	0,295
p=0,025	p=0,000	p=0,275	p=0,354	p=0,063	p=0,006
0,329	0,378	0,166	0,196	0,246	0,384
p=0,002	p=0,000	p=0,129	p=0,072	p=0,023	p=0,000
0,263	0,196	0,145	0,153	0,163	0,291
p=0,015	p=0,072	p=0,186	p=0,163	p=0,137	p=0,007
0,212	0,089	0,106	0,105	0,059	0,216
p=0,051	p=0,420	p=0,332	p=0,338	p=0,590	p=0,047
0,287	0,087	0,160	0,143	0,054	0,257
p=0,008	p=0,429	p=0,143	p=0,192	p=0,624	p=0,018

Таблица 5 Корреляции между голосованием за партии и долями возрастных когорт

	<i>Единая Россия</i>	<i>КПРФ</i>	<i>ЛДПР</i>	<i>Спра- ведливая Россия</i>	<i>Комму- нисты России</i>
18—24	0,032	0,120	0,046	-0,191	0,253
	p=0,797	p=0,331	p=0,710	p=0,118	p=0,038
25—29	-0,055	-0,034	-0,066	-0,081	-0,006
	p=0,655	p=0,781	p=0,592	p=0,513	p=0,962
30—34	-0,284	-0,069	0,263	-0,093	-0,002
	p=0,019	p=0,575	p=0,030	p=0,453	p=0,986
35—39	-0,369	-0,133	0,475	-0,093	0,006
	p=0,002	p=0,280	p=0,000	p=0,451	p=0,962
40—44	-0,276	-0,223	0,417	-0,082	-0,030
	p=0,023	p=0,068	p=0,000	p=0,508	p=0,809
45—49	0,230	-0,340	-0,127	-0,159	-0,316
	p=0,059	p=0,005	p=0,303	p=0,197	p=0,009
50—54	0,277	-0,157	-0,258	-0,006	-0,197
	p=0,022	p=0,201	p=0,033	p=0,962	p=0,108
55—59	0,158	0,001	-0,175	0,104	-0,028
	p=0,198	p=0,993	p=0,154	p=0,400	p=0,823
60—64	0,040	-0,028	-0,032	0,114	-0,028
	p=0,743	p=0,819	p=0,799	p=0,354	p=0,823
65—69	0,085	-0,098	-0,131	0,009	-0,165
	p=0,491	p=0,429	p=0,288	p=0,943	p=0,180
70—74	0,296	-0,219	-0,279	-0,124	-0,323
	p=0,014	p=0,072	p=0,021	p=0,316	p=0,007
75—79	0,308	-0,128	-0,358	-0,022	-0,275
	p=0,011	p=0,298	p=0,003	p=0,856	p=0,023
80+	0,203	-0,066	-0,386	0,103	-0,260
	p=0,097	p=0,595	p=0,001	p=0,404	p=0,032

Выделенные корреляции значимы при $p < 0,05$

на думских выборах 2016 г. в регионах с явкой менее 60% (68 наблюдений)

<i>Яблоко</i>	<i>Партия пенсионеров</i>	<i>Родина</i>	<i>Партия Роста</i>	<i>Зеленые</i>	<i>ПАРНАС</i>
-0,238	-0,172	-0,210	-0,023	-0,076	-0,188
p=0,050	p=0,161	p=0,086	p=0,854	p=0,539	p=0,125
0,196	-0,041	-0,106	0,362	0,348	0,305
p=0,110	p=0,742	p=0,388	p=0,002	p=0,004	p=0,012
0,228	0,225	0,054	0,359	0,497	0,387
p=0,061	p=0,065	p=0,660	p=0,003	p=0,000	p=0,001
0,229	0,464	0,100	0,229	0,524	0,382
p=0,060	p=0,000	p=0,419	p=0,061	p=0,000	p=0,001
0,222	0,491	0,148	0,112	0,418	0,309
p=0,069	p=0,000	p=0,228	p=0,365	p=0,000	p=0,010
0,173	0,234	0,114	-0,003	0,120	0,163
p=0,158	p=0,055	p=0,354	p=0,981	p=0,331	p=0,183
0,015	0,012	-0,014	-0,110	-0,204	-0,112
p=0,904	p=0,922	p=0,913	p=0,374	p=0,095	p=0,364
-0,025	-0,094	-0,017	-0,164	-0,291	-0,193
p=0,838	p=0,448	p=0,893	p=0,181	p=0,016	p=0,115
0,043	0,028	-0,090	-0,088	-0,131	-0,097
p=0,728	p=0,820	p=0,467	p=0,478	p=0,287	p=0,430
0,221	-0,006	0,034	0,114	0,057	0,153
p=0,071	p=0,963	p=0,782	p=0,355	p=0,644	p=0,212
0,181	-0,088	0,062	0,095	0,043	0,146
p=0,139	p=0,477	p=0,614	p=0,443	p=0,729	p=0,234
0,131	-0,232	0,033	0,046	-0,087	0,068
p=0,287	p=0,057	p=0,789	p=0,710	p=0,479	p=0,580
0,239	-0,185	0,123	0,102	-0,064	0,150
p=0,050	p=0,132	p=0,317	p=0,407	p=0,606	p=0,222

Что касается следующих когорт (от 25 до 44 лет), то они положительно коррелировали с голосованием за рыночных либералов и экологов (в первую очередь за ПАРНАС и «Зеленых»), а также за ЛДПР. Напротив, голосование за «Единую Россию» было связано с этими когортами негативно: ее главными «фанатами» были возрастные категории старше 45 лет, особенно 45—54 и 70—79 лет.

Примечательно, что коммунисты — и КПРФ, и «Коммунисты России» — не имели базы поддержки в старших когортах, а голосование за Российскую партию пенсионеров было связано преимущественно с избирателями в возрасте от 30 до 50 лет, причем доля избирателей старше 75 лет коррелировала с ним скорее отрицательно. Обнаружилось также, что голосование за «Справедливую Россию» вообще никак не связано с возрастом.

Еще более заметно все эти тенденции проявились после исключения из анализа дополнительных 11 регионов с явкой свыше 50%. В частности, увеличилась корреляция доли самых молодых (18—24 года) с голосованием за «Коммунистов России».

Посмотрим теперь, насколько влияние возраста способно конкурировать с факторами модернизации (урбанизацией, образованием, предпринимательской активностью и пр.) как предикторами партийного голосования.

Как показывает регрессионная модель связей между голосованием за партии (зависимые переменные), возрастной структурой электората (независимые переменные) и факторами модернизации (контрольные переменные) (см. *табл. 6*), возраст самых молодых избирателей вполне успешно может конкурировать с факторами модернизации в качестве детерминанты партийного выбора в случае «Коммунистов России» и ЛДПР (слабая положительная связь), а также «Единой России» (слабая отрицательная связь). Для «Зеленых» конкурентоспособным предиктором явилась доля возрастной категории 25—29 лет (слабая положительная связь).

В свою очередь голосование за рыночных либералов (Партию Роста, ПАРНАС, «Яблоко») связано не с долей молодых избирателей, а с «факторами модернизации» (предпринимательская активность, образование). Показательно, что самая молодая возрастная когорта (18—24 года), отказывая в поддержке «партии власти», более склонна при этом голосовать не за либералов, а за неосталинистов («Коммунистов России»). Существует и слабая положительная связь между долей этой когорты и голосованием за ЛДПР, но не надо забывать, что предшествующий корреляционный анализ выявил здесь очень слабую корреляцию с зашкаливающим уровнем статистической значимости. Так что будем считать появление данной предикационной связи следствием капризной природы метода множественной регрессии.

Так или иначе, налицо определенный «левопатриотический» уклон молодежи на думских выборах 2016 г., который, наверное, можно объяснить последствиями «Крымской весны» 2014 г., повысившей рей-

Таблица 6 Регрессионная модель (МНК) связей между голосованием за партии и долями возрастных категорий 18–24 и 25–29 лет в регионах с явкой менее 60% на выборах в Государственную Думу 2016 г. – с включением факторов модернизации в качестве контрольных переменных (68 наблюдений)

	R^2	18–24	25–29	Городское население (%)	Малые предприятия на 10 тыс. чел.	Убыточные предприятия (%)	Рабочая сила с высшим образованием (%)	Врачи на 10 тыс. чел.	Доходная-ства с горячим водоснабжением (%)
Beta-коэффициент (стандартная ошибка)									
Единая Россия	0,452*	-0,188 (0,098)***		-0,344 (0,113)**		-0,497 (0,124)**			0,548 (0,109)**
КПРФ	0,061**								-0,247 (0,119)**
ЛДПР	0,298*	0,213 (0,11)***		0,406 (0,115)**	0,182 (0,109)***				-0,460 (0,113)**
Коммунисты России	0,262*	0,35 (0,11)**			0,186 (0,109)***				-0,428 (0,109)**
Яблоко	0,626*					0,767 (0,076)**		-0,139 (0,076)***	
РПЗС	0,381*			0,386 (0,12)**	0,215 (0,107)**	0,232 (0,136)***			-0,347 (0,113)**
Родина	0,074**					0,272 (0,118)**			
Партия Роста	0,509*						0,59 (0,091)**	-0,163 (0,089)***	0,217 (0,092)**
Зеленые	0,532*		0,156 (0,089)***	0,341 (0,104)**		0,415 (0,105)**			
ПАРНАС	0,808*				-0,127 (0,064)***	0,902 (0,06)**		-0,148 (0,06)**	

* p-level < 0,01; ** p-level < 0,05; *** p-level < 0,1

тинги «империалистических» партий и понизившей рейтинги их противников.

Выборы в региональные собрания 2016—2020 гг. В выборах в региональные собрания в 2016—2020 гг. принимало участие не менее 20 политических партий, но на регулярной основе это делали только «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Участие других было спорадическим. Поэтому в нашем анализе мы будем учитывать только эти четыре партии, объединяя все прочие в остаточную категорию.

В *табл. 7* представлены корреляции между голосованием за партии и долями возрастных когорт в 84 регионах России. В анализ в очередной раз не вошла Москва, поскольку ее региональные депутаты избирались только по одномандатным округам; более того, «Единая Россия» формально в выборах не участвовала. Согласно таблице, самые молодые избиратели (18—24 года) предпочитали голосовать за «Единую Россию», к «Справедливой России» они относились равнодушно и не отдавали предпочтения другим партиям. Но, как упоминалось выше, регионы с самым молодым населением — это в основном национальные республики с максимальной «мобилизационной» явкой (до 95%, как в случае Чечни) и наибольшим уровнем голосования за «партию власти».

В 2016—2020 гг. средняя явка на выборы в региональные собрания составляла 44,24%, а без Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Татарстана, Тувы, Ингушетии, Мордовии, Дагестана и Чечни — и вовсе 40,68%. Поэтому было решено исключить из анализа регионы с явкой более 50%. Среди них оказались не только национальные республики (Чечня, Дагестан, Мордовия, Ингушетия, Тува, Татарстан, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Чувашия, Северная Осетия, Калмыкия, Адыгея, Якутия), но и некоторые регионы Центральной России, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока — Чукотский АО, Белгородская, Брянская, Кемеровская, Липецкая, Орловская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Тюменская области.

Из *табл. 8* видно, что в оставшихся регионах молодые избиратели (18—29 лет) отдавали предпочтение ЛДПР, индифферентно относились к «Единой России», КПРФ и «Справедливой России» и не жаловали другие партии.

Множественная регрессия (см. *табл. 9*) подтвердила, что в конкуренции с контрольными переменными поддержка самых молодых избирателей (18—24 года) являлась предиктором голосования только для ЛДПР, причем предиктором единственным. Для внепарламентских партий предиктором оказалась негативная связь с долей возрастной категории 25—29 лет — результат интересный, но плохо поддающийся интерпретации.

Таблица 7 Корреляции между голосованием за партии и долями возрастных когорт на выборах в региональные собрания в 2016–2020 гг. (84 наблюдения)

	<i>Единая Россия</i>	<i>КПРФ</i>	<i>ЛДПР</i>	<i>Спра- ведливая Россия</i>	<i>Все осталь- ные</i>
18–24	0,333	-0,221	-0,133	0,000	-0,309
	p=0,002	p=0,043	p=0,229	p=1,00	p=0,004
25–29	0,213	-0,175	0,032	0,119	-0,361
	p=0,052	p=0,112	p=0,773	p=0,280	p=0,001
30–34	-0,098	-0,020	0,227	-0,139	0,021
	p=0,376	p=0,858	p=0,038	p=0,206	p=0,853
35–39	-0,268	-0,023	0,321	-0,143	0,248
	p=0,014	p=0,836	p=0,003	p=0,195	p=0,023
40–44	-0,306	0,010	0,373	-0,126	0,212
	p=0,005	p=0,928	p=0,000	p=0,253	p=0,053
45–49	0,047	-0,241	0,042	-0,227	0,181
	p=0,673	p=0,027	p=0,706	p=0,038	p=0,099
50–54	0,065	-0,110	0,104	0,101	-0,229
	p=0,554	p=0,321	p=0,346	p=0,359	p=0,036
55–59	-0,215	0,248	0,125	0,134	-0,016
	p=0,050	p=0,023	p=0,257	p=0,224	p=0,888
60–64	-0,419	0,354	0,161	0,081	0,309
	p=0,000	p=0,001	p=0,143	p=0,467	p=0,004
65–69	-0,390	0,320	0,136	0,016	0,355
	p=0,000	p=0,003	p=0,219	p=0,886	p=0,001
70–74	-0,235	0,088	-0,002	-0,085	0,477
	p=0,031	p=0,425	p=0,989	p=0,442	p=0,000
75–79	-0,119	0,168	0,057	0,130	-0,019
	p=0,281	p=0,127	p=0,608	p=0,238	p=0,868
80+	-0,158	0,147	-0,128	0,091	0,337
	p=0,151	p=0,181	p=0,245	p=0,411	p=0,002

Выделенные корреляции значимы при $p < 0,05$

Таблица 8 Корреляции между голосованием за партии и долями возрастных когорт на выборах в региональные собрания в 2016–2020 гг. в регионах с явкой менее 50% (61 наблюдение)

	<i>Единая Россия</i>	<i>КПРФ</i>	<i>ЛДПР</i>	<i>Спра- ведливая Россия</i>	<i>Все осталь- ные</i>
18–24	-0,043	0,081	0,345	-0,097	-0,326
	p=0,745	p=0,537	p=0,006	p=0,459	p=0,010
25–29	0,020	-0,049	0,287	0,092	-0,337
	p=0,879	p=0,707	p=0,025	p=0,482	p=0,008
30–34	-0,063	-0,066	0,230	-0,211	0,019
	p=0,628	p=0,612	p=0,075	p=0,103	p=0,887
35–39	0,004	-0,277	0,125	-0,210	0,203
	p=0,977	p=0,030	p=0,338	p=0,105	p=0,117
40–44	0,060	-0,329	0,116	-0,184	0,148
	p=0,646	p=0,010	p=0,374	p=0,155	p=0,254
45–49	0,283	-0,426	-0,114	-0,266	0,220
	p=0,027	p=0,001	p=0,381	p=0,038	p=0,089
50–54	0,285	-0,277	-0,004	0,188	-0,280
	p=0,026	p=0,031	p=0,973	p=0,148	p=0,029
55–59	0,183	-0,016	-0,212	0,265	-0,171
	p=0,157	p=0,900	p=0,102	p=0,039	p=0,188
60–64	-0,052	0,038	-0,293	0,183	0,282
	p=0,691	p=0,769	p=0,022	p=0,157	p=0,028
65–69	-0,070	0,027	-0,224	0,059	0,315
	p=0,590	p=0,839	p=0,083	p=0,651	p=0,014
70–74	0,018	-0,162	-0,239	-0,077	0,443
	p=0,889	p=0,214	p=0,064	p=0,557	p=0,000
75–79	0,112	0,012	-0,078	0,212	-0,186
	p=0,389	p=0,925	p=0,550	p=0,102	p=0,150
80+	0,055	-0,025	-0,345	0,163	0,267
	p=0,672	p=0,846	p=0,006	p=0,211	p=0,037

Выделенные корреляции значимы при $p < 0,05$

Таблица 9 Регрессионная модель (МНК) связей между голосованием за партии и долями возрастных категорий 18–24 и 25–29 лет на выборах в региональные собрания в 2016–2020 гг. в регионах с явкой менее 50% – с включением факторов модернизации в качестве контрольных переменных (61 наблюдение)

	R^2	18–24	25–29	Городское население (%)	Малые предприятия на 10 тыс. чел.	Убыточные предприятия (%)	Рабочая сила с высшим образованием (%)	Домохозяйства с горячим водоснабжением (%)
Beta-коэффициент (стандартная ошибка)								
Единая Россия	0,288*			-0,304 (0,152)**	-0,242 (0,132)	-0,249 (0,118)**		0,465 (0,139)**
КПРФ	0,172*							-0,415 (0,118)**
ЛДПР	0,119*	0,345 (0,122)**						
Справедливая Россия	0,094**			0,225 (0,133)***			-0,302 (0,133)**	
Все остальные партии	0,342*		-0,439 (0,109)**		0,489 (0,109)**			

* p-level < 0,01; ** p-level < 0,05; *** p-level < 0,1

Выборы в Думу 2021 г. На думских выборах 2021 г. более 1% голосов получили восемь партий (из 14 зарегистрированных), пять из них преодолели 5-процентный барьер. Результаты этих восьми партий, а также двух экологических организаций — «Зеленых» и «Зеленой альтернативы» (как по отдельности, так и в агрегированном виде) — были включены в анализ. Последние две партии получили менее 1% голосов каждая, но их совокупный результат составил 1,5%. Лидеры «экологов» были неизвестны электорату, их кампания и повестка — скудны и почти незаметны, так что, по сути, избиратели знали только названия партий. Но, во-первых, можно было ожидать, что молодежь проявит повышенный по сравнению с другими возрастными категориями интерес к экологическим проблемам, во-вторых, для «Зеленой альтернативы» мог сработать «эффект новичка».

Шесть партий — «Единая Россия» (49,8% голосов по пропорциональной системе), КПРФ (18,9%), ЛДПР (7,5%), «Яблоко» (1,3%), «Коммунисты России» (1,2%), Партия пенсионеров (2,45%) — участвовали и в кампании 2016 г. Что касается «Справедливой России», то ее политическое лицо несколько изменилось после объединения с партиями «Патриоты России» и «За правду» в начале 2021 г.

Партия «Патриоты России» была создана в свое время как спойлер КПРФ. В 2004 г. ее будущий лидер Геннадий Семигин безуспешно пытался сместить с поста председателя ЦК КПРФ Геннадия Зюганова, после неудачи создал Всероссийскую коммунистическую партию будущего, а после бесславной кончины этого проекта возглавил Российскую партию труда, в 2005 г. переименованную в «Патриотов России». На думских выборах партия особого успеха не имела, но регулярно получала места в региональных собраниях.

Партия «За правду» была учреждена в 2020 г. небызывестным писателем Захаром Прилепиным, который в 2000-х годах был близок к лидеру Национал-большевистской партии (НБП) Эдуарду Лимонову, а в 2010-х перешел в пропутинский Общероссийский народный фронт (ОНФ). От НБП Прилепин унаследовал идеологию радикального империализма, от ОНФ — лояльность Путину. Таким образом, объединенная партия, получившая название «Справедливая Россия — Патриоты — За правду» (сокращенно «Справедливая Россия — За правду», или СРЗП), заметно сдвинулась в сторону империализма и воинствующего лоялизма. В своей новой конфигурации она завоевала поддержку 7,4% избирателей.

Удачливым дебютантом избирательной кампании стала партия «Новые люди» (5,3% голосов), сочетавшая рыночный либерализм с лояльностью Путину и почти полностью игнорировавшая внешнеполитическую повестку (прежде всего по вопросам Украины и Крыма — в этом ее принципиальное отличие от «Яблока», с 2014 г. выступавшего против присоединения Крыма и поддержки ЛНР и ДНР).

Как и в случае выборов 2016 г., корреляционная матрица связей между голосованием за партии и долями различных возрастных когорт

по всей совокупности российских регионов создавала впечатление, что поддержкой молодых (18—29 лет) пользовалась только «Единая Россия» (см. *табл. 10*). Но исключение из анализа регионов с явкой выше 60% (в основном это те же регионы, что и в 2016 г., с добавлением Адыгеи, Еврейской АО, Краснодарского края, Брянской и Волгоградской областей) изменило картину в ту же сторону, что и ранее (см. *табл. 11*). Выяснилось, что в регионах с более шепетильным подсчетом голосов голосование за «партию власти» имело с долей самых молодых избирателей (18—24 года) устойчивую отрицательную корреляцию, а голосование за оппозиционные партии — КПРФ, ЛДПР и особенно «Новых людей», — наоборот, положительную. Причем для категории 25—29 лет ситуация менялась: более или менее заметные корреляции здесь сохранялись лишь для СРЗП и «Яблока», да и то со знаком минус.

Множественная регрессия подтвердила значимость корреляций для КПРФ, ЛДПР, «Новых людей» (позитивные) и «Единой России» (негативная) (см. *табл. 12*). Любопытно, что положительные бета-коэффициенты появились у категории 18—24 года и для экологистов — они были обеспечены главным образом «Зеленой альтернативой», поскольку голосование за «Зеленых» в принципе давало здесь нулевые результаты. Однако на самом деле эти бета-коэффициенты были «вытянуты» категорией 25—29 лет, без которой 18—24-летние «не соглашались» становиться предиктором. Причем интересно, что категория 25—29 лет положительно коррелировала только с голосованием за «Единую Россию» — всем остальным она в поддержке «отказывала». Причины неожиданного лоялизма данной категории молодежи объяснить трудно, но расхождения между двумя близкими возрастными когортами очевидны.

В любом случае думские выборы 2021 г. в регионах с менее жестким электоральным администрированием продемонстрировали определенную предрасположенность самой молодой категории избирателей голосовать за оппозиционные партии, одну из которых — «Новые люди» — можно даже считать условно либеральной. О поддержке экологистов со стороны молодых говорить, наверное, все-таки не приходится — за отсутствием прямой и значимой корреляции.

Заключение

Гипотеза о том, что молодые избиратели более склонны поддерживать либеральные и демократические партии, не получила однозначного подтверждения. Исследование показало, что в регионах, где электоральные данные можно оценить как относительно надежные, избиратели в возрасте от 18 до 24 лет действительно демонстрируют повышенную предрасположенность к голосованию за оппозиционные партии, но не обязательно либеральные и демократические. Так, на думских выборах 2016 г. они больше поддерживали «Коммунистов России» (нео сталинистов и при этом спойлеров КПРФ).

На выборах в региональные собрания 2016—2020 гг. самые молодые избиратели были склонны отдавать предпочтение праворадикаль-

Таблица 10 Корреляции между голосованием за партии и долями возрастных когорт

	<i>КПРФ</i>	<i>ЛДПР</i>	<i>Новые люди</i>	<i>Единая Россия</i>
18–24	-0,324	-0,314	-0,280	0,442
	p=0,003	p=0,003	p=0,010	p=0,000
25–29	-0,434	-0,510	-0,452	0,615
	p=0,000	p=0,000	p=0,000	p=0,000
30–34	-0,220	-0,237	-0,107	0,241
	p=0,043	p=0,029	p=0,328	p=0,026
35–39	0,069	0,418	0,255	-0,231
	p=0,533	p=0,000	p=0,019	p=0,033
40–44	0,167	0,603	0,292	-0,387
	p=0,127	p=0,000	p=0,007	p=0,000
45–49	0,180	0,597	0,217	-0,392
	p=0,100	p=0,000	p=0,046	p=0,000
50–54	-0,026	0,185	-0,160	-0,034
	p=0,811	p=0,090	p=0,143	p=0,760
55–59	0,245	0,221	0,084	-0,260
	p=0,024	p=0,042	p=0,444	p=0,016
60–64	0,389	0,268	0,255	-0,425
	p=0,000	p=0,013	p=0,018	p=0,000
65–69	0,431	0,310	0,357	-0,514
	p=0,000	p=0,004	p=0,001	p=0,000
70–74	0,323	0,207	0,245	-0,412
	p=0,003	p=0,057	p=0,024	p=0,000
75–79	0,139	-0,013	0,024	-0,175
	p=0,205	p=0,905	p=0,825	p=0,110
80+	0,113	-0,087	0,011	-0,145
	p=0,303	p=0,427	p=0,923	p=0,185

Выделенные корреляции значимы при $p < 0,05$

на думских выборах 2021 г. во всех регионах (85 наблюдений)

<i>СРЗП</i>	<i>Яблоко</i>	<i>Коммунисты России</i>	<i>Партия пенсионеров</i>	<i>Зеленые + Зеленая альтернатива</i>
-0,344	-0,255	-0,361	-0,386	-0,309
p=0,001	p=0,018	p=0,001	p=0,000	p=0,004
-0,422	-0,344	-0,445	-0,551	-0,480
p=0,000	p=0,001	p=0,000	p=0,000	p=0,000
-0,223	0,037	-0,157	-0,225	-0,024
p=0,040	p=0,737	p=0,151	p=0,038	p=0,824
-0,044	0,141	0,170	0,173	0,530
p=0,686	p=0,197	p=0,119	p=0,113	p=0,000
0,078	0,192	0,285	0,363	0,592
p=0,478	p=0,079	p=0,008	p=0,001	p=0,000
0,140	0,193	0,306	0,396	0,449
p=0,202	p=0,076	p=0,004	p=0,000	p=0,000
-0,016	0,085	-0,017	0,117	0,074
p=0,885	p=0,440	p=0,876	p=0,286	p=0,501
0,153	0,082	0,197	0,269	0,070
p=0,161	p=0,454	p=0,071	p=0,013	p=0,525
0,330	0,155	0,348	0,380	0,088
p=0,002	p=0,157	p=0,001	p=0,000	p=0,422
0,407	0,241	0,417	0,463	0,168
p=0,000	p=0,026	p=0,000	p=0,000	p=0,124
0,371	0,293	0,323	0,378	0,154
p=0,000	p=0,007	p=0,003	p=0,000	p=0,160
0,240	0,252	0,105	0,187	0,048
p=0,027	p=0,020	p=0,337	p=0,087	p=0,662
0,311	0,257	0,070	0,123	-0,033
p=0,004	p=0,018	p=0,526	p=0,262	p=0,764

Таблица 11 Корреляции между голосованием за партии и долями возрастных когорт

	<i>КПРФ</i>	<i>ЛДПР</i>	<i>Новые люди</i>	<i>Единая Россия</i>
18–24	0,393	0,249	0,436	-0,323
	p=0,001	p=0,048	p=0,000	p=0,009
25–29	0,097	-0,147	0,122	0,157
	p=0,448	p=0,246	p=0,339	p=0,216
30–34	-0,133	-0,135	0,119	0,111
	p=0,294	p=0,289	p=0,350	p=0,385
35–39	-0,126	0,135	0,162	-0,009
	p=0,323	p=0,287	p=0,202	p=0,947
40–44	-0,181	0,337	0,028	-0,059
	p=0,152	p=0,006	p=0,829	p=0,642
45–49	-0,246	0,299	-0,204	0,026
	p=0,050	p=0,016	p=0,106	p=0,836
50–54	-0,236	-0,090	-0,449	0,260
	p=0,060	p=0,479	p=0,000	p=0,038
55–59	-0,075	-0,197	-0,295	0,169
	p=0,554	p=0,119	p=0,018	p=0,182
60–64	-0,113	-0,103	-0,288	0,133
	p=0,375	p=0,419	p=0,021	p=0,296
65–69	-0,240	-0,013	-0,292	0,135
	p=0,056	p=0,919	p=0,019	p=0,287
70–74	-0,356	-0,081	-0,434	0,253
	p=0,004	p=0,525	p=0,000	p=0,044
75–79	-0,429	-0,180	-0,508	0,400
	p=0,000	p=0,155	p=0,000	p=0,001
80+	-0,358	-0,260	-0,396	0,293
	p=0,004	p=0,038	p=0,001	p=0,019

Выделенные корреляции значимы при $p < 0,05$

на думских выборах 2021 г. в регионах с явкой менее 60% (64 наблюдения)

<i>СРЗП</i>	<i>Яблоко</i>	<i>Коммунисты России</i>	<i>Партия пенсионеров</i>	<i>Зеленые + Зеленая альтернатива</i>
-0,185	-0,203	0,156	0,053	-0,013
p=0,143	p=0,107	p=0,218	p=0,675	p=0,919
-0,343	-0,268	0,045	-0,166	-0,164
p=0,006	p=0,032	p=0,726	p=0,190	p=0,196
-0,218	0,117	-0,025	-0,109	0,216
p=0,084	p=0,359	p=0,847	p=0,393	p=0,087
-0,239	0,102	-0,015	-0,057	0,540
p=0,057	p=0,422	p=0,904	p=0,652	p=0,000
-0,150	0,135	0,008	0,123	0,547
p=0,236	p=0,289	p=0,952	p=0,334	p=0,000
-0,058	0,151	0,014	0,197	0,305
p=0,648	p=0,233	p=0,914	p=0,119	p=0,014
-0,046	0,115	-0,133	0,130	-0,005
p=0,717	p=0,365	p=0,294	p=0,307	p=0,968
0,074	0,021	-0,046	0,123	-0,224
p=0,564	p=0,869	p=0,718	p=0,334	p=0,076
0,225	0,032	-0,018	0,068	-0,352
p=0,074	p=0,804	p=0,886	p=0,593	p=0,004
0,278	0,137	-0,056	0,076	-0,329
p=0,026	p=0,279	p=0,660	p=0,549	p=0,008
0,221	0,239	-0,154	-0,015	-0,212
p=0,079	p=0,057	p=0,223	p=0,905	p=0,093
0,095	0,229	-0,258	-0,080	-0,132
p=0,453	p=0,068	p=0,040	p=0,531	p=0,299
0,260	0,263	-0,222	-0,084	-0,187
p=0,038	p=0,036	p=0,079	p=0,508	p=0,140

Таблица 12 Регрессионная модель (МНК) связей между голосованием за партии и долями возрастных категорий 18–24 и 25–29 лет на думских выборах 2021 г. в регионах с явкой менее 60% — с включением факторов модернизации в качестве контрольных переменных (64 наблюдения)

	R^2	18–24	25–29	Городское население (%)	Малые предприятия на 10 тыс. чел.	Авто-мобили на 1000 чел.	Работники с высшим образованием (%)	Врачи на 10 тыс. чел.
Beta-коэффициент (стандартная ошибка)								
КПРФ	0,154*	0,392 (0,117)**						
ЛДПР	0,346*	0,415 (0,13)**	-0,230 (0,133)***	0,417 (0,115)**			-0,360 (0,122)**	
Новые люди	0,19*	0,436 (0,114)**						
Единая Россия	0,349*	-0,531 (0,13)**	0,331 (0,132)**	-0,323 (0,115)**			0,264 (0,122)**	
СРЗП	0,118*		-0,343 (0,119)**					
Яблоко	0,308*		-0,319 (0,111)**		0,359 (0,115)**			0,227 (0,119)***
Партия пенсионеров	0,057***					0,238 (0,123)		
Зеленые + Зеленая альтернатива	0,372*	0,347 (0,128)**	-0,423 (0,13)**	0,333 (0,113)**			0,431 (0,12)**	
Зеленая альтернатива	0,563*	0,361 (0,109)**	-0,555 (0,104)**	0,374 (0,104)**	0,274 (0,115)**		0,238 (0,109)**	
Зеленые	0,124*						0,352 (0,119)**	

* p-level < 0,01; ** p-level < 0,05; *** p-level < 0,1

ным империалистам из ЛДПР. Лишь на думских выборах 2021 г. новосозданная либерально-рыночная партия «Новые люди» нашла поддержку у категории 18–24 года, хотя близкие результаты дали также КПРФ и ЛДПР.

Эту неопределенность политических предпочтений молодежи можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, думские выборы 2016 г. несли на себя отпечаток «Крымской весны». Популярность «голубей»-либералов, выступавших против присоединения Крыма, значительно снизилась, а популярность разнообразных «ястребов», наоборот, резко возросла.

Во-вторых, умерший 6 апреля 2022 г. глава ЛДПР Жириновский был едва ли не единственным из лидеров так называемой «системной оппозиции», умевшим разговаривать с молодежью на понятном ей языке. Возможно, именно благодаря этому он в течение многих лет обеспечивал своей партии достаточно высокий уровень популярности у молодых избирателей. Во время выборов 2021 г. его участие в избирательной кампании было незначительным в силу пошатнувшегося здоровья, что, судя по всему, отразилось и на привлекательности партии: доля полученных ЛДПР голосов упала с 13,1% в 2016 г. до 7,5% в 2021-м.

В-третьих, необходимо учитывать ограниченность выбора в либеральной части политического спектра. Многие представители младшей возрастной когорты были, возможно, готовы проголосовать за Навального, но его партия так и не была зарегистрирована. Поэтому значительное число молодых избирателей либеральных взглядов, которых не устраивали скомпрометировавшие себя в их глазах «Яблоко» и ПАРНАС, просто проигнорировало выборы. Те же, кто пришел на избирательные участки, имели другие политические предпочтения. Когда же на выборах появилось относительно «свежее» предложение — «Новые люди», какая-то доля либерально настроенной молодежи отдала им свой голоса.

Наконец, нельзя скидывать со счетов и возможный эффект тактики «умного голосования» сторонников Навального, продвигавших идею поддержки партий с наибольшими шансами на победу над «Единой Россией». Вполне вероятно, что этим была не в последнюю очередь обусловлена поддержка самыми молодыми избирателями «системных оппозиционеров» из ЛДПР и КПРФ.

Как бы то ни было, при оценке ситуации следует избегать чрезмерных экстраполяций. Из того факта, что российская молодежь либеральнее и демократичнее своих более старших соотечественников, вовсе не следует, что она либеральна и демократична в основной массе. Молодежь просто менее консервативна, но в преобладающей своей части она, скорее всего, разделяет те же ценности, что и большинство россиян.

Библиография

- «Более 80% российской молодежи равнодушны к политике». (2020) // *Левада-Центр**, 30.04. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/30/boleee-80-rossijskoj-molodezhi-ravnodushny-k-politike/> (проверено 12.02.2023).
- «Молодежь ломает стереотипы». (2018) // ВЦИОМ, 22.03. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-lomaet-stererotipy-> (проверено 12.02.2023).
- «О демократии: Подходит ли России такая форма государственного правления, как демократия?» (2020) // *ФОМ*, 17.12. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14519> (проверено 12.02.2023).
- «Attitude to the New Term of Vladimir Putin». (2021) // *Levada-Center**, 1.03. URL: <https://www.levada.ru/en/2021/03/01/attitude-to-the-new-term-of-vladimir-putin/> (accessed on 12.02.2023).
- Foa R.S. and Y.Mounk. (2016) «The Democratic Disconnect» // *Journal of Democracy*, vol. 27, no. 3: 5–17.
- Foa R.S., A.Klassen, D.Wenger, A.Rand, and M.Slade. (2020) *Youth and Satisfaction with Democracy: Reversing the Democratic Disconnect?* Cambridge: Centre for the Future of Democracy.
- Golosov G. (2010) «The Effective Number of Parties: A New Approach» // *Party Politics*, vol. 16, no. 2: 171–192.
- Gudkov L., N.Zorkaya, E.Kochergina, K.Pipiya, and A.Ryseva. (2020) *Russia's «Generation Z»: Attitudes and Values 2019/2020*. Friedrich Ebert Stiftung. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16134.pdf> (accessed on 18.02.2023).
- Inglehart R. (1971) «The Silent Revolution in Post-Industrial Societies» // *American Political Science Review*, vol. 65, no. 4: 991–1017.
- Kynev A. (2017) «How the Electoral Policy of the Russian State Predetermined the Results of the 2016 State Duma Elections» // *Russian Politics*, vol. 2, no. 2: 206–226.
- Laakso M. and R.Taagepera. (1979) «Effective Number of Parties: A Measure with Application to West Europe» // *Comparative Political Studies*, vol. 12, no. 1: 3–27.
- Laruelle M. (2019) «Beyond Putin: Russia's Generations Y and Z» // *Ponors Eurasia*, 7.03. URL: <https://www.ponarseurasia.org/beyond-putin-russia-s-generations-y-and-z/> (accessed on 18.02.2023).
- Lipset S.M. (1959) «Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy» // *American Political Science Review*, vol. 53, no. 1: 69–105.
- March L. (2012) «The Russian Duma „Opposition“: No Drama out of Crisis?» // *East European Politics*, vol. 28, no. 3: 241–255.
- Meyer-Olimpieva I. (2020) *Russian Youth and Corruption. New Empirical Evidence on Attitudes towards Corruption among Russian Students*. ERES Occasional Papers, no. 6. URL: <https://cpb-us-e1.wpmucdn.com/blogs.gwu.edu/dist/8/1076/files/2020/04/IERES-papers-6-Meyer-Olimpieva.pdf> (accessed on 18.02.2023).

Panov P. and C.Ross. (2021) «Mobilised Voting versus Performance Voting in Electoral Autocracies: Territorial Variations in the Levels of Support for the Systemic Opposition Parties in Russian Municipalities» // *Regional and Federal Studies*, 8.08.

Repucci S. and A.Slipowitz. (2022) *Freedom in the World 2022: The Global Expansion of Authoritarian Rule*. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2022/global-expansion-authoritarian-rule> (accessed on 18.02.2023).

Reuter O.J. (2019) «Political Parties» // Sakwa R., H.E.Hale, and S.White, eds. *Developments in Russian Politics 9*. London: Red Globe Press: 38—53.

Ross C. and Yu.Korgunyuk. (2020) «The Impact of Modernization on the Levels of Electoral and Party Contestation in Russian Regions» // *Regional and Federal Studies*, vol. 30, no. 5: 601—624.

«The Return of Alexey Navalny». (2021) // *Levada-Center**, 8.02. URL: <https://www.levada.ru/en/2021/02/08/the-return-of-alexey-navalny/> (accessed on 12.02.2023).

Turovsky R. (2015) «The Systemic Opposition in Authoritarian Regimes: A Case Study of Russian Regions» // Ross C., ed. *Systemic and Non-Systemic Opposition in the Russian Federation: Civil Society Awakens?* Farnham: Ashgate: 121—138.

Volkov D., S.Goncharov, and M.Snegovaya. (2020) *Russian Youth and Civic Engagement*. URL: <https://cepa.org/comprehensive-reports/russian-youth-and-civic-engagement/> (accessed on 18.02.2023).

Wucherpfennig J. and F.Deutsch. (2009) «Modernization and Democracy: Theories and Evidence Revisited» // *Living Reviews in Democracy*: 1—9. URL: https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/cis-dam/CIS_DAM_2015/WorkingPapers/Living_Reviews_Democracy/Wucherpfennig%20Deutsch.pdf (accessed on 18.02.2023).

* Включен министерством юстиции РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Yu.G.Korgunyk, C.Ross
POLITICAL PREFERENCES
OF YOUNG VOTERS
IN CONTEMPORARY RUSSIA

Yury G. Korgunyk — Doctor of Political Science; Leading Researcher at the Political Science Department at the Institute of Scientific Information on Social Science of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). Email: partinform@mail.ru.

Cameron Ross — Professor of Politics and International Relations, School of Social Sciences, University of Dundee (Scotland, UK); Host of the European Institute for Security and Justice (Jean Monnet Centre for Excellence); Chief Editor of the Journals “European Politics and Society” and “Russian Politics”. Email: c.z.ross@dundee.ac.uk.

Abstract. The article is devoted to the political preferences of young voters in contemporary Russia’s elections. Building on the conclusions of their previous research on the relationship between modernisation and political pluralism in Russian regions, the authors attempt to evaluate the role of the age factor in voting behaviour by means of correlation and regression analysis, using as control variables the factors of modernization tested by them earlier.

Their research showed that the perception that young voters are more likely to support liberal and democratic parties than older generations is not entirely true. Voters aged 18 to 24 were indeed more prone to vote for opposition parties, but not necessarily liberal and democratic ones. In the 2016 Duma elections, the caricature neo-Stalinists from Communists of Russia benefited the most from the support of the youngest category of voters; in the elections to regional assemblies in 2016—2021 the radical imperialists from the Liberal Democratic Party did it. In the Duma elections of 2021 the greatest support from the youngest age cohort received, on the one hand, the “systemic opposition” in the face of the Communist Party and the Liberal Democratic Party, and on the other hand, the debutant of the election campaign, the New People Party, that adheres to liberal positions in the economic sphere, but is quite loyal to the existing regime.

Keywords: Youth, political preferences, post-Soviet Russia, State Duma elections, regional elections

References

- “Attitude to the New Term of Vladimir Putin”. (2021) // *Levada-Center*, 1.03. URL: <https://www.levada.ru/en/2021/03/01/attitude-to-the-new-term-of-vladimir-putin/> (accessed on 12.02.2023).
- “Bolee 80% rossijskoj molodezhi ravnodushny k politike” [More Than 80% of Russian Youth Are Indifferent to Politics]. (2020) // *Levada-Tsentr* [Levada-Center], 30.04. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/30/bolee-80-rossijskoj-molodezhi-ravnodushny-k-politike/> (accessed on 12.02.2023). (In Russ.)
- Foa R.S. and Y.Mounk. (2016) “The Democratic Disconnect” // *Journal of Democracy*, vol. 27, no. 3: 5–17.
- Foa R.S., A.Klassen, D.Wenger, A.Rand, and M.Slade. (2020) *Youth and Satisfaction with Democracy: Reversing the Democratic Disconnect?* Cambridge: Centre for the Future of Democracy.
- Golosov G. (2010) “The Effective Number of Parties: A New Approach” // *Party Politics*, vol. 16, no. 2: 171–192.
- Gudkov L., N.Zorkaya, E.Kochergina, K.Pipiya, and A.Ryseva. (2020) *Russia’s “Generation Z”: Attitudes and Values 2019/2020*. Friedrich Ebert Stiftung. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16134.pdf> (accessed on 18.02.2023).
- Inglehart R. (1971) “The Silent Revolution in Post-Industrial Societies” // *American Political Science Review*, vol. 65, no. 4: 991–1017.
- Kynev A. (2017) “How the Electoral Policy of the Russian State Predetermined the Results of the 2016 State Duma Elections” // *Russian Politics*, vol. 2, no. 2: 206–226.
- Laakso M. and R.Taagepera. (1979) “Effective Number of Parties: A Measure with Application to West Europe” // *Comparative Political Studies*, vol. 12, no. 1: 3–27.
- Laruelle M. (2019) “Beyond Putin: Russia’s Generations Y and Z” // *Ponors Eurasia*, 7.03. URL: <https://www.ponarseurasia.org/beyond-putin-russia-s-generations-y-and-z/> (accessed on 18.02.2023).
- Lipset S.M. (1959) “Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy” // *American Political Science Review*, vol. 53, no. 1: 69–105.
- March L. (2012) “The Russian Duma „Opposition“: No Drama out of Crisis?” // *East European Politics*, vol. 28, no. 3: 241–255.
- Meyer-Olimpieva I. (2020) *Russian Youth and Corruption. New Empirical Evidence on Attitudes towards Corruption among Russian Students*. ERES Occasional Papers, no. 6. URL: <https://cpb-us-e1.wpmucdn.com/blogs.gwu.edu/dist/8/1076/files/2020/04/IERES-papers-6-Meyer-Olimpieva.pdf> (accessed on 18.02.2023).
- “Molodezh’ lomaet stereotypy” [Young People Break Stereotypes]. (2018) // *VSTIOM*, 22.03. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-lomaet-stereotypy-> (accessed on 12.02.2023). (In Russ.)
- “O demokratii: Podkhodit li Rossii takaja forma gosudarstvennogo pravenija, kak demokratija?” [About Democracy: Is Such a Form of Govern-

ment as Democracy Suitable for Russia?] (2020) // *FOM* [The Public Opinion Foundation], 17.12. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14519> (проверено 12.02.2023). (In Russ.)

Panov P. and C.Ross. (2021) “Mobilised Voting versus Performance Voting in Electoral Autocracies: Territorial Variations in the Levels of Support for the Systemic Opposition Parties in Russian Municipalities” // *Regional and Federal Studies*, 8.08.

Repucci S. and A.Slipowitz. (2022) *Freedom in the World 2022: The Global Expansion of Authoritarian Rule*. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2022/global-expansion-authoritarian-rule> (accessed on 18.02.2023).

Reuter O.J. (2019) “Political Parties” // Sakwa R., H.E.Hale, and S.White, eds. *Developments in Russian Politics 9*. London: Red Globe Press: 38—53.

Ross C. and Yu.Korgunyk. (2020) “The Impact of Modernization on the Levels of Electoral and Party Contestation in Russian Regions” // *Regional and Federal Studies*, vol. 30, no. 5: 601—624.

“The Return of Alexey Navalny”. (2021) // *Levada-Center*, 8.02. URL: <https://www.levada.ru/en/2021/02/08/the-return-of-alexey-navalny/> (accessed on 12.02.2023).

Turovsky R. (2015) “The Systemic Opposition in Authoritarian Regimes: A Case Study of Russian Regions” // Ross C., ed. *Systemic and Non-Systemic Opposition in the Russian Federation: Civil Society Awakens?* Farnham: Ashgate: 121—138.

Volkov D., S.Goncharov, and M.Snegovaya. (2020) *Russian Youth and Civic Engagement*. URL: <https://cepa.org/comprehensive-reports/russian-youth-and-civic-engagement/> (accessed on 18.02.2023).

Wucherpfennig J. and F.Deutsch. (2009) “Modernization and Democracy: Theories and Evidence Revisited” // *Living Reviews in Democracy*: 1—9. URL: https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/cis-dam/CIS_DAM_2015/WorkingPapers/Living_Reviews_Democracy/Wucherpfennig%20Deutsch.pdf (accessed on 18.02.2023).